ПРИТЧА О ДУБОВОЙ БОЧКѢ.

Выросъ въ лѣсу, во зеленелой дубравѣ, дубъ, безъ малаго въ обхватъ толщины, и сталъ онъ старѣться, дряблѣть. Пришелъ хозяинъ, срубилъ его и отдалъ въ руки мастеру. Мастеръ распилилъ дубъ на доски, изъ досокъ подѣлалъ клёпки, собралъ ихъ, связалъ обручами, вставилъ по дну въ уторы — и вышла бочка. За бочку эту люди даютъ три цѣлковыхъ, въ бочкѣ этой люди воду возятъ; на бочку кто ни посмотритъ, говоритъ, что сработана ладно, и мастеру на славу и добрымъ людямъ на потребу; говорятъ, что безъ бочки нельзя жить хозяйствомъ, нельзя жить безъ воды, а до нея не близко, ведрами не наносишься.

Все бы это и хорошо, да бочка наша — жила не жила — разсохлась и разсыпалась. Хозяинъ ли не доглядѣлъ, сами ль клёпки промежъ собой повздорили, да вмѣстѣ жить раздумали — не знаю, да только

разсыпалась бочка вся врознь. Ребятишки обручи растаскали, пошли катать ихъ по улицамъ, да погонять хворостиной; клепки, подъ ногами навалявшись, пошли то въ печь, то подъ лавку — и о бочкѣ этой помину не стало, ровно ее и на свѣтѣ не бывало.

Въ притчѣ этой рѣчь идетъ вотъ къ чему: дубъ — это православный прадѣдъ твой; клепки вся его семья, и малъ и великъ; обручи — честь и смиреніе и доброе согласіе, которое держитъ и живитъ и питаетъ одно-семьянъ; покуда клепки держались обручами, а цѣлая семья добрымъ согласіемъ въ одномъ кружкѣ, потуда все было хорошо и ладно; а какъ разсыпались клепки врознь, какъ не стало добраго согласія въ семьѣ, такъ всѣ и пропали порознь и слуху объ нихъ не стало.

Дружно не грузно, а врознь хоть брось; двѣ головни и въ чистомъ полѣ дымятся, а одна и на шесткѣ гаснетъ.